

18+

Искандер Арысов

Азбука, помнящая кровь

Проект «Сингулярность
Арысова»

Искандер Арысов

**Азбука, помнящая кровь. Проект
«Сингулярность Арысова»**

«Издательские решения»

Арысов И.

Азбука, помнящая кровь. Проект «Сингулярность Арысова» /
И. Арысов — «Издательские решения»,

Два филолога МГУ, Маша Мефодьева и Саша Кириллов, узнают, что их роды восходят к ближайшим соратникам Кирилла и Мефодия. В день славянской письменности они получают не просто генеалогическое древо, а осознание величайшей ответственности: продолжить дело создателей азбуки. Переведя древний «Проглас» на язык эмодзи и зумеров, герои доказывают: язык жив, пока в него влюблены. История о том, как лингвистический подвиг повторяется через тысячу лет — в читальном зале, у памятника и в любви.

© Арысов И.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. О тексте, который никто не прочитал	6
Часть первая. Парта №7	7
1.1. Фонетический разбор первой встречи	7
1.2. Курсовая о клиповом сознании	9
1.3. Семейная легенда	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Азбука, помнящая кровь

Проект «Сингулярность Арысова»

Искандер Арысов

*Повесть о двух филологах, одной случайности и языке, который
оказался древнее, чем они думали*

© Искандер Арысов, 2026

ISBN 978-5-0070-6377-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. О тексте, который никто не прочитал

В 862 году византийский император Михаил III отправил в Великую Моравию посольство. Формально — чтобы поддержать князя Ростислава против немцев. Неформально — чтобы расширить влияние Восточной церкви. Император был молод, амбициозен и не слишком разбирался в лингвистике.

Он выбрал двух братьев из Солуни. Константина — философа, полиглота, человека, который выиграл диспут у иконоборцев и переводил с еврейского, сирийского и греческого. И Мефодия — старшего, бывшего стратега, который оставил военную карьеру ради монастыря.

Ни император, ни тем более братья не знали главного: они запустят процесс, который через 1160 лет позволит двум студентам филфака МГУ влюбиться друг в друга не вопреки языку, а благодаря ему.

Потому что в истории не бывает случайностей. Бывают только непрочитанные тексты.

Часть первая. Парта №7

1.1. Фонетический разбор первой встречи

Аудитория 1011 второго учебного корпуса МГУ имени М. В. Ломоносова представляет собой классический образец позднесоветской институциональной эстетики. Парты — тёмно-коричневые, с вырезанными на их поверхности посланиями прошлых поколений («Филолог — это звучит горько», «Сдохни, Пастернак», «Киса, я здесь была»). Доска — трёхстворчатая, с затёртым мелом и вмятинами от ударов указкой. Потолок — 3,2 метра высотой, что создаёт акустику, при которой шёпот на первом ряду слышен на последнем.

Первого сентября 2023 года на последний ряд сели двое.

Мария Андреевна Мефодьева, 2000 года рождения, коренная москвичка в пятом поколении, привыкла сидеть сзади — так она лучше видит затылки сокурсников и может анализировать их реакцию на преподавательский юмор. Её мать, Ольга Борисовна Верейская, преподавала историю искусств в РГГУ и приучила дочь: *«Если ты не понимаешь аудиторию, ты не можешь её учить. А филолог — это всегда учитель, даже когда он исследователь»*.

Александр Сергеевич Кириллов, 2001 года рождения, из подмосковного Королёва, напротив, всегда искал место у окна — чтобы видеть небо и напоминать себе, что за пределами диссертаций есть ещё космос. Отец работал инженером в РКК «Энергия», мать — школьной учительницей русского и литературы. В генах Саши боролись два начала: отцовское, требующее точности и расчёта, и материнское, влюблённое в стихи и метафоры.

Мефодьева и Кириллов не знали друг друга до этого дня. Их случайное соседство за партой №7 стало первой строчкой длинного текста, который им предстояло прочитать.

Лекцию читал профессор Вячеслав Игоревич Зайцев, специалист по исторической лингвистике и примечательный тем, что никогда не пользовался компьютером. Его лекции представляли собой монологи длительностью 80 минут, произносимые наизусть, с единственным жестом — когда он поворачивал голову к окну, это означало «запишите, это будет на экзамене».

— История языка, — начал Зайцев, — это история катастроф. Язык не эволюционирует плавно. Он терпит крушения, восстает из пепла, меняет алфавит по приказу императора и забывает тысячу слов за одно поколение.

Он помолчал, привычно сориентировался в пространстве и продолжил:

— В IX веке славяне не имели письменности. Точнее — имели, но не той, которую можно использовать для Евангелия. Были черты и резы — протописьменность для хозяйственных нужд. Но для слова Божьего — нет. И вот в 863 году два брата из Солуни создают глаголицу. Алфавит, который был слишком сложен, слишком сакрален, слишком... красив.

Зайцев неожиданно улыбнулся — событие, которое, как потом выяснили первокурсники, случалось раз в семестр.

— Глаголицу никто не использует сейчас. Но без неё не было бы кириллицы. А без кириллицы не было бы «Войны и мира», «Евгения Онегина», «Ленинграда» Мандельштама и ваших сообщений в «вк».

На последней парте Маша Мефодьева что-то черкнула в тетради. Саша Кириллов, краем глаза взглянув на её почерк, заметил: ровный, наклон вправо, буквы слегка округлые. *Филологический почерк*, подумал он. *Человек, который любит буквы как форму, а не только как носителей смысла*.

— А знаете, что самое странное? — Зайцев повернулся к окну, и все заскрипели ручками. — У нас почти нет биографических данных о Кирилле и Мефодии. Мы знаем, что они

перевели Евангелие, Псалтирь, Апостол. Но мы почти ничего не знаем об их личности. Их жития написаны позже, учениками, и полны штампов. Эти два человека перевернули историю полумиллиарда людей — и они для нас практически имена без лиц.

В аудитории стало тихо. Не той тишиной, когда студенты делают вид, что слушают, а той — когда они действительно слушают.

— Это и есть трагедия создателей, — закончил Зайцев. — Они создают форму, в которую потом втекает время. А сами время смывает.

После лекции Саша и Маша вышли вместе — не потому, что договорились, а потому, что их парта находилась у выхода, и они просто оказались рядом на лестнице.

— Как вам профессор? — спросила Маша. Голос у неё был низкий, с тёплым тембром, как бывает у людей, которые много читают вслух.

— Жутковатый, — признался Саша. — Как будто он сам из IX века.

Она рассмеялась — открыто, без кокетства.

— А я подумала: он прав. Мы не знаем лиц создателей. Мы знаем только их дело.

— По-моему, это и есть самое честное бессмертие, — сказал Саша.

Они остановились у выхода из здания. Сентябрьское солнце подсвечивало пыль над асфальтом. Кто-то из них должен был сказать «пока», но никто не сказал.

— У вас интересный почерк, — вдруг произнёс Саша. — Как у переписчика XIV века.

— Это комплимент?

— Это констатация факта.

— Тогда спасибо. У вас, кстати, тоже. Но скорее как у инженера, который пытается писать стихи.

— Это констатация?

— Это диагноз.

Они разошлись в разные стороны. Саша пошёл на метро — ему ехать до Комсомольской, потом электричка до Королёва. Маша — к автобусной остановке на Ломоносовском проспекте.

Каждый думал, что это была просто вежливая беседа двух первокурсников. Но в языке нет ничего просто вежливого. Каждое слово — это крошечный артефакт, несущий в себе миллионы предыдущих употреблений.

Слово «почерк» сказал Саша.

Слово «диагноз» сказала Маша.

Так начался их диалог — длиной в жизнь.

1.2. Курсовая о клиповом сознании

Следующие два месяца они садились вместе не случайно, а по привычке. Между первой парой и второй был перерыв, который они проводили в буфете — Маша брала чёрный чай без сахара, Саша — кофе из автомата и бутерброд с плавленым сыром.

Они обсуждали лекции, спорили о природе метафоры, выясняли, кто кого умнее в вопросе происхождения падежей. Спорили с азартом, но без злости — скорее с тем удивлением, когда находишь собеседника, который понимает тебя с полуслова.

К ноябрю у них сформировалась общая тема. Саша писал курсовую на тему *«Клиповое мышление и его влияние на синтаксическую связность текста у поколения Z»* — проблема, которую Максим Кронкин через несколько месяцев в интервью «Российской газете» сформулирует так: *«Дети, часто использующие мессенджеры, переносят привычки из интернета в школу. У них сбивается прицел грамотности»*.

Маша же выбрала более фундаментальную тему — *«Фонетические изменения в русском языке 2010—2020 гг.: редукция гласных в быстрой речи»*.

— Ты слишком высоко летишь, — сказала она, глядя, как Саша рисует схемы нейронных сетей на полях. — Язык начинается с звука. С того, как человек произносит «здрасьте» вместо «здравствуйте». А ты пытаешься объять необъятное.

— А ты слишком низко ползаешь, — парировал Саша. — Отдельный звук ничего не значит. Только текст. Только связность. Только способность удерживать мысль на протяжении пяти предложений — это и есть грамотность.

— Спорим, через год ты будешь изучать диалекты?

— Спорим, через год ты будешь изучать эмодзи?

Они не знали, что через год оба окажутся правы.

1.3. Семейная легенда

В январе, после сессии, они встретились в «Кофе Хаузе» на Арбате. Саша пришёл взволнованный — в рюкзаке лежал планшет со сканом, который ему переслал отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.